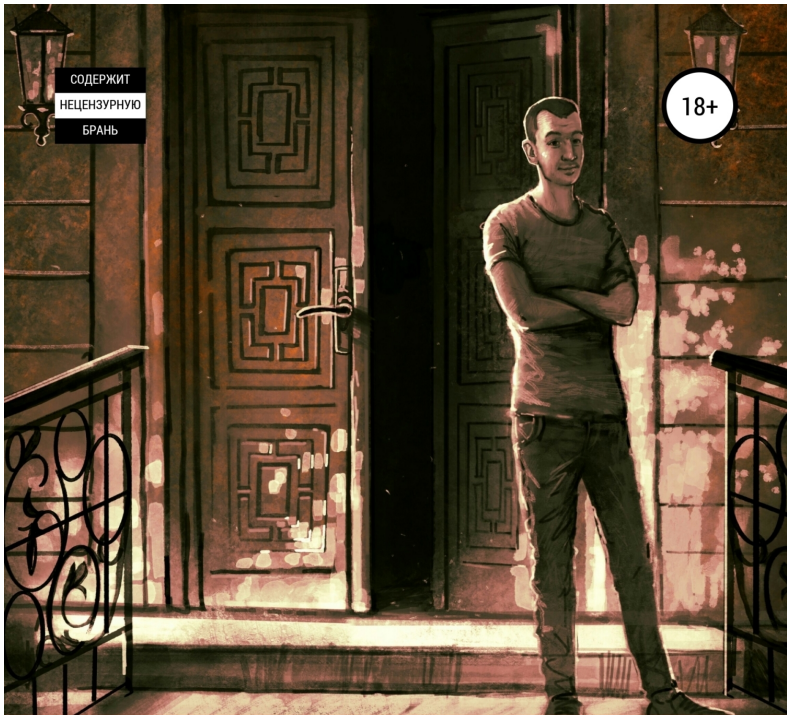

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Заврин Даниил

Кубики больницы Арчибальд

Даниил Николаевич Заврин

Кубики больницы Арчибальд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875640

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05006-8

Аннотация

Прочитав книгу мастера ужасов Стейта Кинга, дочь полицейского кончает жизнь самоубийством, имитируя судьбу героини романа. Подавленный горем отец, нападает на известного писателя, пытаясь его убить. После неудачного покушения, знаменитый врач-психиатр, Доктор Джеймс Вудс, берется выявить степень вменяемости отца, чтобы как можно быстрее отправить полицейского на скамью подсудимых. Но взявшись за этот случай, он понимает что не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Не говоря уже о том, что чудом выживший знаменитый мастер ужасов и сам хочет встречи с ним.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	4
Отличный коп	4
Тюрьма	7
Хорошая жена	12
Писатель	20
Обмен	26
Дом. Балтрок. Лампа	31
Довольная Лизи	36
Поездка в Балтимор	42
Бар Чароки	47
Заинтересованность	54
Врачи без границ	59
Стейт Кинг	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Даниил Заврин

Кубики больницы

Арчибальд

Часть первая

Отличный коп

Джеймс Вудс посмотрел на шерифа Саймона Греймса. Это был невысокий, неприметного вида мужчина, который словно во всем пародировал Сэма Пекстона. Во всем кроме ума. Доктор улыбнулся. Подобный типаж полицейского ему нравился. Ни этой назойливой напыщенности, ни попытки приукраситься. Лишь усталое отсутствующее выражение лица. Как будто плохое уже произошло, но худшее еще впереди.

– Я вижу, вся эта ситуация с Чарли Броуди вас сильно потрепала, да, шериф? – Вудс продолжил оборвавшийся у аэропорта диалог, – неужели всё настолько плохо?

– Слабо сказано, – улыбнулся в ответ Греймс, – это один из худших моих дней в карьере.

– И всё же Вы все равно вызвали именно меня.

– А что делать. Нам нужен независимый и очень авторитетный эксперт. Общество не простит, если мы возьмем своего, либо малоизвестного. Заключение должен сделать профессионал.

– Профессионал? А я думал, среди полицейских бытует другое мнение о моей практике. Что-то вроде пособия преступников.

– Разные мнения бытуют. Но я Вас таким не считаю. Я и сам не раз сталкивался со сложным выбором и порой так сложно сделать что-то правильное. Я не судья и не врач. С этой стороны не могу осуждать Вас. Вот если бы Вы были копом и отпустили одного из этих людей, возможно, я бы и прострелил Вам голову. Но Вы ведь не отпустили. Вы лечите.

– Пекстон с Вами бы не согласился.

– У Пекстона своя голова на плечах. У меня своя.

– Это заметно, – Джеймс Вудс снова уткнулся в боковое стекло.

– И всё же. Я хотел бы сказать, что Чарли – это один из лучших копов, с кем я работал. Что он ни на одну минуту не сомневался в том, что делал и всегда старался дать больше, чем взять. Я не прошу вас жульничать, я знаю, Вы твердый человек, но знайте, если бы вся эта ситуация случилась с кем-то другим, то проблем было бы больше.

– Чарли стрелял в безоружного. И почти убил. Лишь чудо спасло Стейта Кинга, и он успел скрыться в своем доме. Чудо!

– Да. Возможно. А может быть, кто-то уберег его для божьего суда.

– Только не говорите мне, что Вы тоже во все это верите.

– А почему нет, скажите, Вы читали его книги?

– Нет. Я не люблю художественные вещи, предпочитаю историческую литературу или согласно своей медицинской практике.

– Тогда я бы Вам порекомендовал познакомиться с этим писателем.

– Для начала я познакомлюсь с Чарли Броди, как-никак, он главный фигурант этого покушения.

– Как Вам будет угодно, – кивнул Саймон Гремс и тоже отвернулся к окну.

Тюрьма

Прибыв в окружную тюрьму Мериленд, Джеймс Вудс прошёл, наверное, самый быстрый в своей жизни тюремный контроль и спустя каких-то десять минут уже сидел напротив Чарли Броуди, того самого полицейского, который ещё несколько часов назад был вполне отличным копом. А теперь... Теперь же он был главной новостью этого дня.

– Добрый день. Я доктор Джеймс Вудс, — сказал Вудс, протягивая руку.

– Я знаю кто Вы. У нас, наверное, нет ни одного копа, кто бы не слышал о Вас, добрый доктор Джеймс Вудс, – нервно усмехнулся Чарли, игнорируя рукопожатие, – прошу, присаживайтесь.

– Точно. «Добрый доктор». Именно так меня называют копы, – помахал пальцем Вудс, – все никак запомнить не могу.

– Не переживайте, зато остальные помнят.

– Это кто же?

– Матери, лишившиеся дочерей, копы, потерявшие напарников, отцы, чьи сыновья были найдены в лесу, недалеко от шоссе.

– Да. Всех и не перечислить, верно? – сказал Вудс, устраиваясь поудобнее на стуле, – как-то жестко тут. Верно?

– Да уж, не кожаные кресла.

– Точно, точно, с ними куда поприятней.

– Давайте так, док, я прекрасно знаю, что Вам надо. И не хочу тратить Ваше время. Несомненно, мне было бы очень приятно, если бы Вы написали в своей карточке, что я сумасшедший и поехал полечиться, но мы оба понимаем, что это не так, верно?

– Допустим.

– Нет. Дураку понятно, что самое большое, что я могу получить это состояние аффекта, но ведь Вы тут не для этого. Вас вызвали, чтобы все прошло по всем правилам. А значит мы просто тратим время.

– Такая у меня работа, временем разбрасываться. Не вы первый, не вы последний.

– То-то и оно. Только разница в том, что Ваше общество, в отличие от моего для Вас, мне неприятно. Когда я слышал о том, как Вы отправляли этих психов лечиться по телевизору, это одно, но, когда вот так, вижу Вас в шаге от себя – это другое.

– Ваша дочь умерла от того, что прочитала книгу?

– Эй, тише, доктор. Я хоть и на привязи, но могу и сорваться, – угрожающе зашипел Чарли, – не надо так говорить, ты её не знал. Ты не знал мою малышку и не тебе со своим грязным языком лезть в это дело.

– Мне. К сожалению. Никого другого подобрать не смогли. Поэтому, если Вы хотите, чтобы я Вам смог помочь, будьте откровенны.

– Нет. Это в аду с тобой будут откровенны.

– Вы верите в бога?

– И дальше что? Спросите, читал ли я библию?

– Нет. Спрошу, читала ли библию Ваша дочь, ведь, судя по всему, она была довольно близка к церковной тематике и пару раз была задержана на кладбище. Кажется, Вы её тогда освободили, верно?

– Это просто дети. Детские шалости. Если бы мы принимали всех, кто шумел на кладбищах и раскидывался туалетной бумагой по домам, то пересажали бы полшколы. Небольшая взбучка, вызов родителей. Вот и все необходимые меры. Элли была хорошей девочкой. И, я повторю, разговор подходит к концу.

– Хорошо. Последнее. Вы сами читали книги Стейта Кинга? Знакомились с тем, чем увлекалась Ваша дочь?

– Нет. Я постоянно был в работе. Я знал, что она любит ужасы и прочую дрянь, но не придавал этому особого значения. Я и так вылавливал наркоманов, насильников и убийц, так что дома старался больше отдохнуть, нежели читать о мрачных историях мрачные истории этого старого ублюдка. Точнее, больного ублюдка.

– Вы думаете, он болен?

– Нормальный человек такое не напишет.

– А была ли больна Ваша дочь? Раз читала подобное?

– Что ты сказал? – Броуди дернулся с места, и браслеты впились в его кожу, – что ты сказал?

Тут в комнату ворвались двое полицейских и силой усадили его обратно, пока шериф мягко взял под руку Вудса и выпроводил его из комнаты.

– Вы же понимаете, что мы все записали и можем это использовать? – сухо сказал он ему на ухо.

– Конечно. Я же сам дал согласие на использование всех материалов, которые мне дают в тюрьмах. Это не обсуждается.

– Док, я понимаю, что Вы профи, но этот парень, он сегодня потерял свою дочь, понимаете? Нашел её вздернутой в своей комнате. И всё из-за какой-то книги, которую та купила на распродаже.

– Я читал дело.

– Черт возьми, он живой человек. С ним нельзя так. Я знаю, у Вас нет детей и Вам не знакомо чувство отцовства, но это не дает Вам право так с ним себя вести.

– Право мне дали Вы, когда согласились на мою экспертизу.

– Если бы я мог решать, кого сюда звать.

– Послушайте, все, что я сделал, я сделал лишь для того, чтобы как можно быстрее понять, что с этим полицейским. И к моему глубокому сожалению, он абсолютно вменяем. Понимаете? У вас, стражей порядка, постепенно вырабатывается некий иммунитет к плохому. И именно это играет ключевую роль в данной ситуации. Любой другой возможно бы и впал в состояние аффекта, но только не ваш Чарли. Боюсь,

он прекрасно понимал все, что делает, и именно это я напишу в своем отчете.

– Вы в этом точно уверены?

– Как никогда! – твердо сказал Джеймс Вудс.

– Тогда, боюсь, Вам надо поскорей покидать этот город.

Здесь слишком много полицейских семей, – мрачно заметил Саймон Гремс, – слишком много.

– К сожалению, боюсь, что мне придется пока остаться, – мягко улыбнулся Джеймс Вудс.

– Это ещё зачем?

– Я давно хотел познакомиться с какой-нибудь знаменитостью. И уверен, что Стейт Кинг прекрасно подойдет для такого опыта.

– Это вряд ли. Он не дает интервью и живет крайне замкнуто, – хитро прищурился шериф, – а зачем Вы вдруг решили с ним встретиться? Хотите признать в нем больного?

– Это уже по ситуации. А что касательно интервью, то, поверьте, он просто не знаком с Лизи Паркер, эта девушка достанет кого угодно, – вздохнул Вудс, с грустью поглядывая на телефон.

Хорошая жена

Городок Семисвиль не был таким большим, как изначально думал о нём Вудс. Максимум сто тысяч жителей, не больше. И это если никто никуда не поедет. Положив вещи на кровать в номере, Джеймс Вудс достал из холодильника бутылку воды. Жара не спадала и здесь. Хотя Сэмисвиль был заметно севернее его родного Дагсвиля.

Звонок. Доктор взял трубку. Как он предполагал, звонили с ресепшена. Та милая девочка, которая столь охотно предлагала ему экскурсии по городу, то и дело проезжающие мимо дома знаменитого на весь мир писателя-фантаста. Или, правильнее сказать, любителя ужасов. Не важно, одно подменяет другое. Вудс вежливо поздоровался.

– Сэр, Вам входящий.

– Да. Переводите.

– Минуту.

Последовала некоторая пауза и вот столь привычный, звонкий голос Лизи Паркер. Вудс поймал себя на мысли, что почти уверен в её успехе. И что в данном случае, она просто идеально подошла для решения проблемы.

– Доктор Вудс?

– Да, Лизи.

– Вы просили меня связаться с Стейтом Кингом и договориться о встрече.

– Да, Лизи, просил.

– Я дозвонилась до него. Он сказал, что Вас примет. Только я смогла договориться лишь да вечер.

– На вечер?

– Да. На вечер. На девятнадцать часов вечера.

– А когда?

– Сегодня. Но это самое ближайшее время. Ближе я не могла.

– Ты просто умница! Как тебе это удалось! Я слышал, он вообще не принимает гостей, – довольно, а главное, тепло заметил Вудс, – признайся, чем ты его взяла?

– Да, собственно, ничем. Стейт Кинг, как оказалось, очень наслышан о Вас, и хочет этой встречи не меньше Вашего. Он сказал, что Вы – будущее психологии, так как существование темной стороны невозможно без белой и что изучать надо обе.

– У вас был длинный диалог, Лизи? – насторожено спросил Вудс, стараясь не передавать своего беспокойства.

– О да. Я ведь его давняя поклонница, я читала почти все его книги. Он просто удивительный человек. Самый лучший из всех современных авторов. Все эти ситуации. Иногда мне казалось, что я сама участвую в них.

Вудс на мгновение вспомнил первую встречу с Лизи. Главное, на чём он тогда для себя поймал, это то, что она психологически толстокожая, что лишь что-то из ряда вон незаурядное способно хоть как-то повлиять на неё. И что

лишь потом он понял, что она довольно сильный эмпат, который, благодаря детству, научился это скрывать. Спустя, кажется, сутки, когда углубился в её дело. А тут она раскрылась подобно цветку. И с незнакомцем. Такое было впервые.

– Я постараюсь привезти тебе его автограф.

– Ах, это было бы чудесно. А уж если получится – на одной из книг.

– Лизи.

– Мрачный лес. Эта особенно любима.

– Лизи, я постараюсь. И ещё, закажи мне билеты на завтра.

– Но, это ведь Стейт Кинг, доктор Вудс.

– А в Арчибальде меня ждут дела. Стейт Кинг ведь не будет их делать вместо меня, верно?

– Да. Несомненно.

– Тогда, прошу, закажи мне билет и постарайся распределить пациентов так, чтобы я успел взять несколько во второй половине дня. Хорошо?

– Как Вам будет угодно, доктор Вудс. Я все сделаю.

– Спасибо.

Джеймс Вудс повесил трубку. Его посетило какое-то странное ощущение тревоги. Легкое, почти неосоздаемое, но, тем не менее, живое. Он посмотрел на вещи, лежавшие на кровати, следовало сменить рубашку и как можно быстрее отправиться к жене Чарли Броуди. Эти его разговоры о наркоманах и убийцах требовали дополнительной проверки, так как Сэмисвиль был слишком мал для большого количества

преступников.

Переодевшись и запасшись водой, он быстро покинул отель и на такси доехал до небольшого, но довольно уютного дома семейства Броуди. Типичный семейный домик, несомненно, взятый на несколько десятилетий в кредит у банка. Все настолько стандартно, что и сомнений не возникает в правильности душевного устройства этих людей.

Вудс постучал. Негромко. Сейчас каждый громкий шум должен пагубно влиять на психику этой несчастной женщины. Ведь что может быть хуже потери единственного ребенка...

– Кто это? – раздался голос из-за двери.

– Доктор Джеймс Вудс, мэм. Я приехал по делу Вашего супруга, – отчеканил Вудс.

Замок заскрипел, и на пороге показалась женщина средних лет, невысокого роста, красивая, с большими голубыми глазами.

– Да? Чем могу помочь?

– Я бы хотел задать несколько вопросов. Это займет немного времени.

– Вопросов? Вы из отдела внутренних расследований?

– Нет. Я врач. Моя задача подтвердить возможные отклонения. Такое иногда происходит при сильном срыве.

– А. Срыв. Проходите, но я не знаю. Не уверена, что могу Вам чем-то помочь, – отстраненно сказала она, пропуская его внутрь дома.

– Ничего. Я помогу Вам помочь мне, — сказал Вудс и аккуратно прикрыл дверь.

Усадив его на диван, женщина поставила напротив стакан с лимонадом и улыбнулась. Вудс улыбнулся в ответ. Пока все шло согласно привычной практике, ничего необычного не наблюдалось. Он вытащил записную книжку.

– Ещё раз хочу извиниться, что так не вовремя. Но у таких ситуаций свой отчет времени.

– Все хорошо. Только прошу вас, недолго. У меня много дел.

Вудс кивнул. С его дивана прекрасно просматривалась кухня, и он успел заметить гору скопившейся посуды, которую так с утра и не помыли. Шок. Он её еще не отпустил.

– Скажите, Элли часто сорилась с отцом?

– Они почти не общались. У Элли был свой мир, куда она очень неохотно пускала нас. Все грезила чем-то. Старалась уединиться.

– А в колледже?

– Там тоже все было не очень. Её задирали за внешний вид и манеру общения. Все, что у неё было, это её книги, да несколько таких же, как она, затворников.

– Несколько?

– Двое. Крис Прат и Джеймс Макквой.

– Это с ними она была на кладбище?

– Да.

– Ещё раз извините, что заставляю Вас вспоминать об

этом. Мне надо дать точный диагноз. Поэтому важно Ваше мнение.

– Да. Я не знаю, просто всё это до сих пор кажется мне чем-то ненастоящим, – она вытащила руку и в ней была раскрытая упаковка с таблетками. – Вот, приняла пару и даже этого не хватает. Все как кошмарный сон. Она ведь была очень хорошей девочкой, никого не обижала. Просто ходила в школу. А этот случай... Они ведь ничего не сделали, так, поставили пару свечей.

– Скажите, а Вы сами читали книги Стейта Кинга?

– Да. Читала.

– Раньше Вашей дочери?

Женщина задумалась, потом внимательно посмотрела на Вудса. Все же, хорошо, что за годы практики он мог за короткое время интуитивно нащупать то, что было самым важным. Порой даже куда важнее осознанного поиска. Как, например, сейчас. Вопрос, казалось бы, возник из ниоткуда. Но удачно пришел в цель. Он это понял.

– Какая разница!

– Просто вопрос. Интересно. Ведь порой именно родители прививают любовь к чтению. Как я понял, Чарли был небольшим поклонником книг. В отличие от Вас.

– И как Вы это поняли? – холодно спросила она.

– Небольшие врачебные уловки, – дежурно улыбнулся Вудс, – как-никак я давно в этой сфере.

– Я никому ничего не прививала.

– Уверены?

– Да.

Вудс посмотрел ей в глаза. От большой дозы успокоительного, зрачки, как правило, расширены. А здесь они обычные. И как он это не подметил сразу. Он вдруг поймал себя на мысли, что зря не осмотрел комнату девушки и что теперь вряд ли сможет выбить это из шерифа, столь негативно настроенного против него. Конечно, он мог бы сделать диагноз мягче и тогда получил бы все положенные привилегии. Но это сделка с совестью. Нет, надо искать обходные пути. И всё же, чем бог не шутит:

– А можно осмотреть комнату Вашей дочери?

– Это так положено? Если Вы не детектив и у Вас нет полномочий, я могу Вам и не показывать, верно? – зло сказала жена Чарли, уже не пытаясь притворяться уставшей и больной.

– Конечно. Но это было бы желательно.

– Тогда, извините, я слишком устала, чтобы продолжать этот разговор.

– Простите, я не хотел Вас утомлять. Если хотите, могу прописать рецепт. Более подходящий, нежели эти таблетки.

– Не стоит. Но спасибо за заботу.

Вудс остановился у самой двери и резко повернулся к ней.

– Скажите, Вам известно, что я отклонил решение о невменяемости Вашего мужа в момент убийства?

– Разговор окончен, – сказала Миссис Бродди, не меняясь

в лице, – я расскажу о вашем визите шерифу.

Джемс Вудс устало выдохнул и, развернувшись к дороге, вытер идеально белым платком испарину со лба. У него было ещё около четырех часов, прежде чем он зайвится со своим визитом к известному на весь мир писателю. А значит, следовало их потратить с наибольшей пользой. Он напряг память, кажется, в этом городе был всего один приличный ресторан. Что, с одной стороны, было хорошо, а с другой, несомненно, плохо, так как если он плох, то ужинать придется чем попало и, судя по всему, в гостинице.

Писатель

«Это был высокий дом, чтобы писатель жил в нём». Так начиналась небольшое стихотворение, что он часто слышал в детстве. Вудс посмотрел вверх. Всего три этажа, но из-за высотных башен они казались очень высокими. Стейт Кинг жил хорошо, одна лишь черепица этого дома стоила больше, чем вся его квартира. Но это детали, так-то дом особо не выделялся. Да, богатый, да, красивый, но таких было достаточно много в округе, разве что он был полностью деревянный, без следов каменной или кирпичной кладки.

Он нажал на кнопку звонка, и чугунные ворота медленно разъехались в стороны. Вудс вошел внутрь, после чего ворота так же плавно закрылись за ним. Всё как в стандартных фильмах ужасов. Он улыбнулся. Это было забавно.

Стейт Кинг стоял у крыльца. Он был в потертых джинсах и серой футболке. Вполне такой местный житель. С той лишь разницей, что позади него дом стоимостью несколько миллионов долларов. Увидев Вудса, он медленно спустился и пошел навстречу, всем своим видом показывая полное радушие.

- Добрый вечер. Как видите, у нас тут довольно поздно темнеет, – улыбнулся он, протягивая руку, – Стейт Кинг.
- Джейсон Вудс.
- Очень рад. Вижу, Вы долго к нам добирались. Пройдем-

те в дом. Тут вечерами становится довольно холодно.

– С удовольствием. Признаюсь, я не думал, что Вы так легко согласитесь на встречу.

– Ну как же я могу отказать поклоннице? Лизи Паркер произвела на меня неизгладимое впечатление своим упорством, к тому же. Я очень много слышал о Вас. И, скажу больше, я поклонник ваших исследований.

– Читали мои книги?

– Конечно. Все, – улыбнулся Стейт Кинг, открывая двери, – прошу. Как видите, офиса у меня нет. Так что все встречи приходится проводить дома. Но меня это не удручает.

– Разве не было желания открыть что-то вроде книжного магазинчика?

– Да. На первом этаже, а на втором – редакцию. Была такая идея. Но это было давно, —грустно заметил писатель.

– Вы один?

– Марш уехала. У неё постоянные разъезды с её благотворительным фондом.

– Да, я слышал. Это заслуживает уважения.

– Да ладно вам. Это мелочи. Читатели мне дают гораздо больше, чем я отдаю им.

– Наверное, как и мне мои пациенты, – грустно заметил Вудс.

– Прошу наверх в мой кабинет, – сказал Стейт, указывая на резную лестницу, – а я пока принесу нам что-нибудь выпить. Если Вы, конечно, не возражаете.

– Нет. Конечно, нет.

– У меня есть прекрасный скотч, есть коньяк. Есть виски.

– Скотч.

– Тогда поднимаетесь и направо, кабинет не спутать ни с чем, – улыбнулся Стейт, – право, я очень рад нашей встрече. Никогда бы не подумал, что Вы сюда приедете и уж тем более заедете ко мне в гости.

– Да уж. Я, собственно, тоже не ожидал столь теплый прием, – несколько сконфузился Вудс, поднимаясь наверх.

Кабинет было действительно сложно с чем-то спутать. Он был большим, резным, под общий антураж внутреннего убранства дома и, главное, был со странной примесью библиотеки, содержащей вмонтированные в стены стеллажи с большим количеством книг. Вудс подошёл ближе. К его большому удивлению, здесь была целая плеяда книг по психологии, пожалуй, почти такая же, как и у него, а то и больше.

– Да, да, я увлекаюсь, – услышал он голос за спиной.

– Не думал, что у Вас тут такое многообразие, один Барнс чего стоит!

– Пришлось попотеть, чтобы собрать. Вы же знаете, нет ничего интереснее человеческого разума. Я ведь работаю с воображением людей. А значит, надо быть подкованным. Прошу сюда, за стол.

Стейт указал на большой деревянный стул. Вудс сел в ближайшее кресло. Стейт сел напротив. Вообще кресла было

три, что было довольно нетипичным для такого интерьерера. Впрочем, тут все было довольно нетипичным. Стейт поставил на стол бутылку и два бокала. Аккуратно разлив скотч, он пододвинул один из бокалов Вудсу.

– Спасибо. Признаться, до сих пор мне кажется, что это, пожалуй, самая удивительная встреча из всех, – Вудс аккуратно поднял стакан, – вообще я редко пью. Но этот запах!.. Сколько Вы отдали за эту бутылку?

– Десять тысяч.

– Ого.

– Одна из тех мелочей, которые нам могут позволить деньги. Чувство прекрасного. Признаться, я даже не раздумывал, когда брал её.

– Наверное, я бы подумал, – улыбнулся Вудс.

– Расскажите, как Вы пришли к своему исследованию?

– Меня несколько удручала стандартная практика психолога, хотелось чего-то нового. Вот и решил попробовать. А Вы, как вы стали писателем?

– Я всегда им был. Вопрос лишь в том, как стал известным, – Стейт отхлебнул скотч, – божественно. Я думаю, это удача. Обычная, банальная удача.

– Вы написали около шестидесяти книг. Разве это удача?

– Это нет. Но если бы у меня не взяли «Алярис», то, уверен, я написал бы куда меньше, так как вкалывал бы на фабрике до сегодняшнего дня. А так, могу позволить себе это, – он указал на книги, – и время. Самое, пожалуй, ценное из

всего.

– Да, с ним проблема.

– Скажите, мне всегда было интересно. Тяжело писать книги, скажем так, с исследованиями? Я ведь больше беллетрист, свое направление мне кажется увлекательным. А вот исследование... Это тяжело дается?

– Признаться, нет. Очень легко. Я просто отключаюсь. Забываю про время, про все, что меня окружает.

– Да. Марш то же и про меня говорит. Порой засыпает, так и не дождавшись. Честно сказать, она совсем не понимает моего творчества.

– Наверное, это плюс. Это я Вам как врач говорю.

– Спасибо. Иногда лишь общение напрямую помогает понять, можно ли доверять человеку и его суждениям.

– Согласен. Именно потому и провожу все встречи сам.

– Скажите, а мне можно попасть к вам в Арчибальд, это было бы для меня очень интересной возможностью. Пообщаться с этими людьми.

– Убийцами, маньяками, насильниками?

– Или просто больными. Вы же их так называете.

– Да.

– Так это возможно? Это крайне важно.

– Но зачем?

– Как и любой специалист, мне нужно поднимать планку. Изучать что-то новое. Сейчас, как мне кажется, я достиг предела, и новые знания помогут мне пойти дальше. Вы, на-

верное, знаете, что перед тем, как что-то написать, я очень обстоятельно изучаю эту область. Например, когда я писал о самолетах, о несчастных случаях, то я общался непосредственно с пилотами и механиками.

– И теперь Вы решили написать о психбольнице?

– Нет. Не совсем. Это пока производственный секрет. У меня ведь договоры с крупнейшими издательствами страны, и они строго-настрого наказали мне не распространяться о сюжете моих будущих книг.

– Как интересно. Значит, Вы хотите написать о больных людях? И давно у вас эта идея?

Стейт улыбнулся и положил руки на колени. Затем внимательно посмотрел на Вудса. И, немного пожевав губу, заметил.

– Думаю, лет пять. Сначала это была просто мысль, но потом я отложил её созреть и вот теперь, я думаю, время пришло. К тому же Вы так удачно попали в наш город. Это просто какая-то удача.

– Удача? – Вудс насторожился. – Разве?

– А как ещё это назвать? – улыбнулся Стейт и долил ему ещё скотч.

Обмен

– Вы же знаете, почему я здесь, верно? – спросил Вудс после некоторого молчания.

– Предполагаю.

– А именно?

– Из-за этой девушки, которая покончила жизнь самоубийством.

– Да. Из-за неё. Только Вы забыли уточнить, что она увлекалась Вашими книгами. И, как я понял, одна из них очень напоминает её жизненную ситуацию.

– Естественно. Я живу среди людей, стало быть, что удивительного в том, что одна из моих книг напоминает реальность? Вопрос в другом, кто как это воспринимает. Ведь Вы сами сказали, я написал около шестидесяти книг, и самоубийств от них пока не было.

– Возможно. И все же я не вижу в Вас какого-то огорчения, сочувствия, печали.

– Да. Возможно. Может, потому что я не знал эту девушку?

– А её мать?

– Знаете, в этом городе много всяких людей. Вы, может, слышали, что у меня нет охраны, что я сам хожу по магазинам, что в моём доме нет даже прислуги, хотя я вполне могу себе это позволить. Все, что у меня есть, это мнение людей,

которые, стоит заметить, очень хорошо ко мне относятся. И даже самоубийство этой девушки ничего не изменит.

– В них или в Вас?

– Книги я точно писать не перестану. Это ведь искусство, оно обязано влиять на людей, – вздохнул Стейт и несколько сбавил тон, – знаете, недавно я был в музее. Ненароком. Рабочая поездка никак не предвещала заезд туда. Но там я увидел нечто, что меня очень вдохновило. Точнее, произвело очень сильное впечатление.

– И что же это?

– Скульптура девушки в легкой накидке, которая развивается на ветру и обволакивает её. Понимаете? Ветер. Скульптору удалось поймать ветер. Причем, он сделал это руками, не с помощью фотографий или компьютера. Нет. Лишь молоток да руки. И вот, спустя века, я смотрю на эту статую и не понимаю, как можно было создать нечто подобное. Как столь сложный элемент, как ветер, смог быть заточен в камне. Непостижимо...

– И?

– И я понял, что должен сделать. Я должен создать свою скульптуру. Точно такую же, но уже в литературе. Понимаете? В моем творчестве. Нечто превосходящее все и вся.

– Здесь Вы меня не удивили, – улыбнулся Вудс, – эта мысль очень часто посещает творческих людей.

– Да. Только у всех она разная, – заметил Стейт, допивая скотч.

– Вы про то, что некоторым хватит и половины Вашего признания? В Вашу защиту могу сказать, что многие из Ваших книг признаются критиками шедеврами.

– Вы сейчас говорите как мой агент. У него на каждое моё произведение есть отдельная похвальба.

– Может, он в чём-то прав?

– Наверное. Но я не вижу здесь чего-либо особенного. Все эти деньги, вся эта слава, они ничто по сравнению с той статуей! И знаете что?

– Что?

– На ней я обнаружил пыль. Её даже не протирают! Ужасно, да?

– Наверное, а что? Что надо сделать?

– Ну, для начала я хотел выделить им деньги, но потом я подумал, что, возможно, она продается.

– Вы купили музейный экспонат?

– Да. Только не спрашивайте сумму. Она хоть и большая, но никак не превышает настоящей ценности этой статуи.

– А можно на неё посмотреть?

– В принципе, да. Если честно, мне тоже любопытно Ваше мнение. Ведь Вы интеллеktуал, – Стейт улыбнулся, – а мы все общаемся на одном языке.

Писатель поднялся и направился к двери. Вудс последовал его примеру. Комната, в которой хранилась статуя, была здесь же, в довольно большой комнате, чем-то напоминавшей музей. Здесь было несколько старинных книг, картин и,

наконец, в самом центре, она – девушка в платье.

– Вот. Прошу, – указал рукой на статую Стейт.

– Да. Впечатляет, – согласился Вудс, обходя статую, – удивительно! Сколько ей лет?

– Несколько сотен и скульптор неизвестен.

– Вы были абсолютно правы, это создано обычным молотком и руками, просто невозможно поверить.

– Я рад, что на Вас это влияет именно так, скажу честно, я иногда могу просидеть тут часами, наблюдая за ней.

– Только не говорите, что придумали ей имя.

– Не скажу, – Стейт обошел статую и указал рукой на небольшую аккуратно выгравированную внизу табличку, – покажу.

– Это что значит? – спросил Вудс, вглядываясь в незнакомые символы.

– Афродита. В переводе с греческого.

– Поразительно. Ах да, совсем забыл, Лизи Паркер просила взять у Вас автограф. Если не возражаете, конечно.

– Для Лизи? Конечно. Это хорошая девушка. Подождите меня в кабинете, я сейчас приду. Обычно я не храню у себя своих книг, только рукописи. Но недавно ко мне приезжал агент и остановил одну копию. Я её сейчас принесу.

– Сказать по правде, мне пора. Это было приятное времяпрепровождение, но мне завтра улетать. Я бы хотел выспаться.

– Что ж, тогда пойдёмте, я провожу Вас до двери. Книга

там, на столике у входа.

Стейт вежливо открыл двери:

– Прошу.

Спускаясь по лестнице, Вудс постоянно ловил себя на мысли, что весь его диалог все время шел не по плану. Трудно вообще сказать, где он хоть немного входил в нужную колею. Этот Стейт Кинг обладал поистине великим обаянием или, правильнее сказать, шармом, никак не сочетающимся с его затворническим образом жизни.

– Что написать?

– Не знаю. Лизе от Стейта Кинга?

– Дорогой Лизе от Стейта Кинга. Девушкам так больше нравится, – улыбнулся писатель и протянул книгу.

– Спасибо, – пробубнил Вудс, – только я без подарка.

– Это ничего. Лучшим подарком было бы приглашение меня в Арчибальд. Поверьте, это очень важно, я почти уверен, что смог бы хоть немного, но повторить успех этой скульптуры, уже в литературе. А пока, пока мне нужен гранит и знания.

– Знания я вам дам. Но гранит?

– Для меня это одно и то же, – быстро ответил Стейт.

Вудс посмотрел на почерк, плавный, четкий, идеальный. Таким, наверное, и должен быть почерк у столь известного интересного человека.

Дом. Балтрок. Лампа

Вернувшись домой в Балтрок, Вудс устало повесил пиджак на спинку стула и подошёл к окну. Мередит уже спала, но как обычно успела приготовить ужин, оставив его в холодильнике. Его любимая отбивная, она готовила её так прекрасно, что он о другом и помыслить не мог. Особенно когда вот так, галопом, по всем этим несчастным людям.

Вудс, включил любимую зеленую лампу. Перед тем как уснуть, у него ещё было пару часов, а значит, он мог занять свой ум чем-нибудь очень полезным. Доктор поднял портфель, и выложил папку с делом Чарли Броуди и копией своего заключения. Быстро пробежав по нему глазами, он с удовлетворением откинулся в кресле. Как всегда ювелирная работа.

А потом, его взгляд упал на край книги Стейта Кинга, который аккуратно, словно заигрывая, показался из сумки. Немного поразмыслив Вудс кряхтя, потянулся за ней. Все же должен он представлять, что из себя представляет творческий дар этого талантливое писателя. Да и Лиза вряд ли рассердится, если он немного ознакомится с её кумиром.

Мягкая, черная, матовая, она сочетали всего два цвета: черный и оранжевый, позволяя читателю самому дорисовать остальные цвета. Вудс повертел её в руках. Качество было превосходное, на производство денег не пожалели.

– Тьма внутри, – вслух произнес Вудс, накупившись, – от истинного мастера ужасов Стейта Кинга, одного из самых ярких талантов двадцатого века.

Послунявив палец, он перевернул заглавную страниц. Ох как же давно он не читал художественной литературы, все больше и больше отдавая себя конспектам и лекциям. Научным трудам, на худой конец газетным вырезкам, но никак не такой небольшой художественной книжке, написанной к тому же современником.

И все же история его поглотила. Поглотила настолько, что он просидел не час или два, а ровно полночи, добив роман в один присест. И дело вовсе не в том, что там был лихо закрученный сюжет, или Стейт, смог удивить его своей изобретательной манерой письма, нет, Вудс заинтересовало нечто другое, что он не смог пока распознать.

Закончив читать, он отложил книгу и снова встал к окну. В его голове играло странное ощущение, что он где-то это уже видел. Эту манеру описания, этот ход изложения, это повествование о бедной девочке, которая подгоняемая отчимом влезла в петлю. Все как у дочки Чарли Броуди, отец которой чуть было, не продырявил писателя. Он снова сел за стол и опять, уже более детально ознакомился с повествованием.

Наконец до него дошло. Стейт Кинг, писал, как врач любитель, который после нескольких лет писательской сноровки, смог немного скрыть изначальное (первое) образование,

но только вот почему он не слышал, чтобы он получил медицинское образование. Впрочем, он так мало о нём знал!

Вудс потер переносицу. Всё же он был немного стар, чтобы вот так, засиживаться пусть даже и с книгой. Хотя, это немного напоминает молодость, когда в студенческом общении, он ночи напролет готовился к экзаменам.

– Так и знала, что ты здесь, – устало сказала Мередит, облокотившись о дверной косяк, – и не поел, поди.

– Мери?

– Да, Джеймс. Мери.

– Извини. Надо было доделать пару неотложных дел, – Вудс вздохнул и опустил глаза, ему было неловко.

– И не поел, – укоризненно покачала головой Мередит, проходя в кабинет, – что же с тобой делать?

Она ласково потрепала его за щеки. Джеймс, улыбнулся. Они были в браке двадцать лет, но каждый раз, этот небольшой ритуал, заставлял его краснеть. Он попытался вырваться, но Мередит подняла его голову и посмотрела прямо в глаза.

– Тебе сорок три, отдых это важно дорогой, ровно, как и мой ужин, который я тебе оставила в холодильнике и если с тем, что ты задерживаешься, тут я готова мириться, то с игнорированием моей стряпни... Здесь ты ходишь по краю.

– Я понял. Исправлюсь.

– А это что, – она подняла книгу Стейта, – ты читаешь ужасы?

– Это подарок, – буркнул Джеймс.

– Кому? – спросила Мередит и заинтересованно повернула к нему голову.

Вудс, почему снова покраснел. В голове почти одновременно всплыли портрет Лизи, молодой помощницы и сцена из старого сериала, где жена застаёт мужа в кабинете с молодой любовницей. Вудс замешкался.

– Джеймс, – Мередит раскинула руки, – кому?

– Лизи Паркер, – выдавил он, – Она любит Кинга.

– Лизи? Это той молодой симпатичной девочке из Массачусетского университета твоей помощнице, так ведь?

– Да. Она очень любит этого писателя, и я подумал, почему бы и нет.

– Почему бы и не передать книжку, – задумчиво закончила за него Мередит и развернула книгу, – ого! Дорогой Лизе от Стейта Кинга. Как мило! Наверное, ей очень понравится.

– Мери. Это просто книга.

– Да. И ужин – это просто ужин. Который ты не съел, – спокойно ответила Мери, закрыв книжку и передав ему её в руки, – думаю, я его выкину, всё равно за ночь он испортится, а есть сейчас уже поздно.

– Мери.

– Да, Джеймс. Да, – сказала она, разворачиваясь к двери, – спокойной ночи, дорогой.

Как все это глупо! Он посмотрел в окно, затем словно направляемый невидимой рукой, открыл ящик стола и выта-

шил пачку сигарет. Он не курил уже месяц. Отчасти из-за того, что Мередит в очередной раз устроила небольшую взбучку, отчасти из-за того, что всё же решил в очередной раз бросить, это пагубное занятие.

Но теперь... А к черту! Джеймс достал сигарету и, бережно чиркнув спичкой, блаженно затянулся. Месяц мучений. И вот. Он снова с этой заразой. Джеймс подошёл к окну и открыл ставни. Всё же риск должен быть минимальным. Одно дело покурить, другое дело оставить запах табака. Две совершенно разные причины для небольшой семейной войны.

Довольная Лизи

Конечно, подарок Лизи понравился, заморожено смотря на подпись, она минут десять произносила благодарственные речи, все ещё не веря в свою удачу. Дошло даже до того, что Джеймс почувствовал что-то вроде ревности, чувство, которое никак до этого момента себя не проявляло.

– Боже как же это круто, как вам удалось заполучить это, Доктор Вудс?! Потрясающе! Ой, вы даже не представляете, насколько я его сильная фанатка. Я прочла все его книги. Начиная от цикла невозможного, до ранних рассказов. Боже, он просто удивительный человек. А главное такой скромный.

– С этим я бы поспорил. Живет он достаточно небедно, – буркнул Вудс.

Лизи посмотрела на него так, что он почувствовал себя котом, который убил огромную мышь и теперь может настрять посреди комнаты, все равно не побьют. А потом в ней вспыхнул очередной огонек.

– Боже, я совсем забыла, Вы же были у него дома. Расскажите, как там, какой он из себя, мне всё интересно!

И тут Вудс, наверное, совершил крайне большую ошибку, так как пытаясь отмахнуться от её назойливости, которой как известно не было предела, он ляпнул самое страшное:

– Это Вы можете и сами у него спросить, так как он хотел к нам приехать.

– Что? – Лизи посмотрела на него.

Вудс раскрыл немного рот, медленно осознавая масштаб, глупости.

– Что Вы сказали? – повторила Лизи.

– Я сказал, что возможно он приедет к нам, – медленно начал пятиться Вудс, понимая, какая сейчас грянет буря эмоций.

– Стейт Кинг хочет к нам приехать?

– К пациентам, – осторожно попытался разбавить ситуацию Вудс, – к пациентам, не к нам, ему очень интересные наши психически больные люди.

– Боже, – Лизи вздохнула и прижав книгу к груди, немного покачалась, – сам Стейт Кинг...

– Это ещё не точно. Всего лишь намерение, уверен у таких известных людей их довольно много.

– Это не так, – скривилась Лизи, – ведь он Вас сам проинформировал об этом, а значит это вполне официальный визит и значит...

Тут её мысли вконец развили нечеловеческую скорость, и Лизи замерла, переваривая всю полученную информацию. Вудс нахмурился. Он теперь вдруг отчетливо понял, что сам не оставил Стейту никакого шанса избежать их встречи. Наконец Лизи подняла глаза на него.

– Мне надо сделать пару звонков.

– Да, конечно, – Вудс побеждено вздохнул, – сделайте. И принесите мне наконец кофе.

– Как обычно?

– Да. Разве сливок немного побольше. Слишком уж жарко на улице.

– Сделаю, – Лизи развернулась и пошла к двери, – и Вам звонил шериф Рамзи Боттл, что-то срочное. Впрочем, как обычно.

– Я наберу ему, Лизи.

Вудс привычным жестом повесил пиджак на плечики стула, это помогало ему собраться, настроиться на работу. Он взял трубку. Рамзи был, наверное, самый суетливый из всех шерифов, с которыми ему приходилось иметь дело и порой ему приходилось пол беседы его успокаивать, нежели получать действительно что-то ценное. А значит, это не меньше получаса.

Вудс, положил трубку обратно. На самом деле, сейчас его интересовало нечто другое. И если бы Лизи среагировала на книгу чуть спокойнее, он бы спросил это сразу. Но, увы, девочке надо дать пару минут, чтобы диалог получился конструктивным.

Он сел за стол. Аккуратно. Чисто. Приятно. Прекрасное место для того, чтобы справляться с любыми трудностями, будь то нервный срыв, странное убийство при тихой апатии или врожденный психоз, проявившийся спустя двадцать лет.

– Ваш кофе, доктор Вудс, – Лизи, мягко, изящно поставила кружку на стол. Как мило, несмотря на то что она всегда была безупречна в движениях, теперь же она превзошла

и этот уровень и все из-за какой-то художественной книги. Вудс посмотрел на стеллаж. Его единственная работа, уже порядком покрылась пылью, но о ней она даже и не спрашивала.

– Спасибо, – поблагодарил Вудс и сделал небольшой глоток, вкус был изумительный.

– Не за что, – Лизи улыбнулась, – я могу идти?

– Конечно, только ответь мне, ты случайно не знакома с биографией Стейта? – осторожно начал Вудс и увидев огонек в её глазах добавил, – особенно было бы интересно узнать, где он учился.

– О, доктор Вудс, я знала, что Вы им заинтересуетесь, – покачала головой Лизи снова входя в свой читательский транс, – только вот, тут скачать что-то точное сложно, так как Стейт, как и положено всем гениям, нигде толком не отучился.

– И все же где-то же он научился писать.

– Стейт в 1965 поступил в университет штата Мэн, но отучившись там три года, был отчислен за неудачный фейерверк.

– Фейерверк?

– Попал в стекла. Несколько разбитых окон и вот появился «Человек на улице» – улыбнулась Лизи довольная своим каламбуром, – потом несколько лет он проработал на обувной фабрике, что затем поступил снова. Только в этот раз, выбрал очень уж кардинальную смену профессии.

– Не томите Лиза.

– Он поступил в медицинскую школу Балтимора. Как он позже писал в своей биографии, это получилось благодаря тому, что все свое время во время работы на фабрике он посвящал учебе. И опять же, самостоятельно, – Лизи особенно подчеркнула последнее. Словно это делала она сама.

– У них довольно серьезный отбор, – задумчиво заметил Вудс, – но почему именно туда?

– Поближе к дому.

– Да это логично. И что же потом?

– Тут уже два года. Стейт пошел на психологический факультет, но потом тоже был отчислен.

– Причина?

– Если честно я не знаю, да это и нигде не упоминается.

– То есть Стейт это тоже умолчал?

– Да. Да и какая разница, сами понимаете, что исключить могут за любой проступок. Вплоть до невинного фейерверка. А почему вы интересуетесь его учебой?

– Если уж он к нам придет, то мне желательно знать, откуда растут его знания верно? К тому же Балтимор... я не понаслышке знаком с этой школой.

Лизи подозрительно посмотрела на Вудс, но это длилось буквально несколько секунд, после чего она снова засияла озаренная своими мысли о визите Стейта. Вудс в этом почти не сомневался. Скорее всего, он вообще потерял свою помощницу на целый день, так как теперь её основанная зада-

ча, это сделать официальный визит Стейта, как можно более быстрым. Вудс злорадно улыбнулся. Что ж, Великий Писатель сам во всем виноват. Пусть теперь почувствует на собственной шкуре, неукротимость его фанатки.

Когда Лизи вышла, Вудс снова взял трубку, только теперь он набирал уже не Рамзи. Это несомненно было важно, но не в первую очередь. Больше всего его сейчас интересовал его давний знакомый профессор Сэм Гивер, преподававший в Балтиморе.

Поездка в Балтимор

Большой медицинский университет – так чаще всего называли это готическое здание, студенты. Вудс помнил это, так как по просьбе Сэма Гивера давал тут пару лекций, помогая студентам получше разобраться в тонкостях психологии. И несомненно, при общении ними он кое-что почерпнул и для себя.

Вудс, прошел по небольшой бетонной дорожке через парк, минуя нескольких довольно шумных студенческих кампаний. Видимо период экзаменов уже истек, раз столько веселья было выплеснуто на улицу. Вудс, поднялся по ступенькам. Сэм Гивер должен был встретить его именно здесь, хотя и настаивал на том, чтобы увидеться уже в аэропорту. Но Вудс был непреклонен, в конечно счете, Гивер почтенный человек, чтобы позволять ему, гонять его туда-сюда.

– Доктор Вудс, как я рад, – поприветствовал его пожилой профессор, протягивая руку, – вот уж не ожидал, что Вы снова захотите посетить нас! Ведь Ваша слава бежит впереди вас!

– Вы слишком добры, – Вудс пожал руку, – какая слава! Это просто частная практика, медицинского работника.

– Мнение которого значит куда больше десятых ученых мужей. Включая меня.

– Только вот вполне возможно, в этом здании уже обуча-

ется тот студент, по сравнению с которым, и я буду самым настоящим профаном.

– Аха, – погрозил пальцем Гивер, – да Вы – льстец!

– Видимо это у нас общее, – улыбнулся в ответ Вудс.

Гивер открыл двери, и сделав знак охраннику, вошел в университетский корпус. Вудс последовал за ним. По дороге он то и дело вспоминал, что видел здесь в прошлый раз. И невольно радовался, что ничего не поменялось. Годы лишь красили это место, оседая почтенным мхом на внешних стенах и легким вкусом почтенного дерева внутри.

– А теперь я бы хотел узнать, что же толкнуло Вас на то, чтобы посетить нас, – сказал Гивер, когда они поднялись в его кабинет, – уверен это не праздное любопытство с таким-то графиком как у Вас.

– Да дружище. Это верно. Просто я не знал к кому еще обратиться, ведь Вы – единственный мой знакомый тут.

– Ого, пахнет детективным сюжетом, – профессор подошел к окну и открыл его, – чувствуете, как пахнет?

– Да.

– Я отдал этому месту всю свою жизнь и даже сейчас не могу полностью насладиться всем, что здесь меня окружает. Воистину удивительные вещи творятся вокруг нас. А вы? Я слышал у Вас своя клиника? Арчибальд?

– Не совсем. Её пока просто передали под мое управление.

– Не скромничайте. Это Вам не к лицу. Об Арчибальде

никто не знал, пока Вы там не появились. Не удивлюсь, если скоро сам Мэриленд подвинется, давая вам дорогу.

– Нет. Это вряд ли. Нам пока до них далеко.

– Пока. Так что же Вас привело ко мне? – снова спросил Сэм Гивер.

Вудс несколько помялся, затем обошел стол Гивера, и пробежался по полкам его книжного шкафа. Собрание было довольно приличным, но вполне обычным для медика. Вудс посмотрел на Гивера.

– Вы слышали что-нибудь о писателе Стейте Кинге?

Гивер нахмурился, потом отвел взгляд и посмотрел в окно. В одночасье лицо его полностью изменилось, ведь, как известно пожилые профессора меньше всего умеют скрывать правду. Вудс понял, что попал в цель.

– Допустим. А что такое? – уже несколько раздражительно заметил Гивер, все еще не поворачиваясь к нему.

– Я слышал, он учился у Вас. И был отчислен. И что главное, нигде не написано за что. Ни администрация университета, ни Стейт, никто не говорит об этом.

– Может, потому что там не о чем говорить. Отчисляют многих людей. Чем Стейт лучше других?

– Это да. Только вот вряд ли это было что-то мелкое, ведь он порядком постарался, чтобы попасть сюда. Да что там постарался! Чудо, что он вообще попал в этот университет!

– Не такое уж и чудо. Стейт был хорошим студентом, умным. Но с чего такое любопытство к его персоне?

– У меня недавно было одно дело, где девочка повесилась после того, как прочла его книгу. Вот, пользуясь случаем, я и решил поговорить с ним.

– Но причем тут ты. Насколько я знаю самоубийства не твой профиль.

Вудс сразу подметил, как резко они перешли на это резкое «ты». Заодно и скорость диалога увеличилась. А ещё, впрочем, это было уже совсем очевидно, Гивер стал машинально шарить по карманам. Сигарету искал, судя по всему.

– Не мой. Дело в том, что отец девочки был полицейским и решил сам прояснить ситуацию. Только сделал это с оружием. Кинг не пострадал, а вот отца ждет суд.

– И после этого ты решил познакомиться с ним?

– Да. Он оказался довольно интересный человек, даже более чем. Но заинтересовало меня другое. Я никогда раньше не читал его книг и получив одну в подарок, понял, что она мне что-то очень напоминает.

– Что же? – спросил Гивер, закончив лазить у себя по карманам.

– Медицинские отчеты, а правильной сказать, некоторые медицинские работы по серийным убийцам, психопатам, самоубийцам. Не в грубой форме, конечно, но, если присмотреться, можно найти сходство.

– Все писатели где-то должны искать материал, чем Кинг лучше других. Он пишет ужасы, драму, триллеры. Это вроде нормально нет?

Наконец Гивер понял, что сигарет у него нет, и подошёл к столу. Вудс деликатно пропустил его. Сэм открыл ящик и вытащил пачку. Все же, насколько он был в этой своей растерянности наивен! Вудс, вздохнул, все же зря он так налегает на этого старого преподавателя. Ему стало стыдно.

– Если тебе неудобно, я могу зайти попозже, я тут на пару дней.

– Да, все нормально, – Гивер затянулся, – все хотел бросить.

– Неужели все настолько плохо, Сэм? – Вудс озабоченно посмотрел на профессора, – такое ощущение что ты убийство совершил...

Гивер сделал ещё затяжку и задумчиво посмотрел на Вудса. Казалось, они снова вернулись на несколько лет назад. И перед ним всё тот же незнакомый ему человек. Профессор снова задумчиво потянул едкий дым.

– Я так думаю, самое бесполезное, это что-то скрывать от одного из лучших умов психологической криминалистики. Верно, доктор Вудс?

– Да я уже профессор, если честно, – улыбнулся Джеймс, пытаясь разбить напряжение, – только вот, официальность на пару дней, запаздывает.

Бар Чароки

В индейском баре Чароки было все, кроме индейцев, равно как и остальных гостей. Казалось, что тут вообще никто не появляется кроме двух врачей, ищущих определенной уединенности. В любом случае для откровенного разговора, место было просто идеальное.

Сэм пододвинул стакан с пивом Вудсу. Теперь он был совсем другим, смена обстановки, пошла ему на пользу. Задумчиво посмотрев на свою порцию, он вздохнул и начал понемногу открывать давно забытый ящик прошлого.

– Стейт, был наверно самым талантливым моим учеником, – сказал Гивер, немного поразмыслив, – когда он первый раз попался мне на глаза, я думал все, пропал парень, но вот он сдает экзамены и поступает к нам. А как учился! Схватывал на лету. Это даже не талант, это дар. Я был тогда уверен, что она станет как минимум доктором медицины.

– Но что-то помешало?

– Да помешало, – Гивер неспешно потянул пиво, – Стейт постоянно экспериментировал с различными практиками психологического воздействия. И что самое печальное получалось у него превосходно.

– Например?

– Он стал прекрасным манипулятором.

– Склонял к суициду?

Гивер, посмотрел на стакан. Вудсу все больше и больше становилось его жаль, старик явно не хотел вытаскивать свои тайны. Но делать нечего, не зря же он проделал этот путь, да и обезболивающее старик уже в себя всадил.

– Можно и так сказать, – сказал Гивер, – у него был сосед Джонотан Харнс. Скажем так, не семи пядей во лбу, но парень не плохой. Отзывчивый. Учился неплохо.

– И что с ним стало?

– Повесился. Прямо в комнате. Стейт тогда уехал домой, а Харнс остался. Причем предупредил мать, что хочет побыть один.

– Какие у него были отношения с матерью?

– Прекрасные. Он её очень любил и до того, как подселиться к Стейту, чуть ли не каждый день писал. А потом. Потом все пошло наперекосяк.

– Но почему отчислили именно Стейта, он же был в отъезде. Это ведь самоубийство. У вас не было никакого основания, отчислять его.

– Формально да. С этим было сложно. Но Харнс оставил записку, где изложил свой взгляд на ситуацию и уж больно она напоминала идеи Стейта.

– Хочешь сказать, что их задушевные беседы довели парня до суицида?

– Да. Как я говорил Стейт очень способный психолог.

– Скажи Сэм, ты имеешь какое-либо отношение к его от-

числению? – Вудс тоже выпил немного пива, – только честно.

– Да я редко вру. А сейчас и вовсе не хочется. Мне кажется, наоборот, я недоделал тогда свою работу. Да я выразил свое мнение и к нему прислушались, но всё равно, я должен был настоять на полном расследовании, а не на простом отчислении. Это теперь как гвоздь, который с каждым годом все больше ржавеет и отравляет мой организм.

– А почему это не придали огласке?

– А кому это надо? Университету точно нет. Семье Харнса? Тут тоже не все так просто. Они ведь довольно зажиточные и его папа фермер всегда сердился, что парень ушел в медицину. Из троих его сыновей лишь Джонатан послушался отца. А он у него кремень. Вот и вышло, что особой заинтересованности в том, чтобы показать слабость сына, он не испытывал. Договорились по мирному. Да и полиции это дело не понравилось. Суицид он и есть суицид. Стыдливое, неприятное дело.

– Ты сказал, что жалеешь, что приложил мало усилий. Могу ли я это интерпретировать, как желание помочь?

– Ты о чем?

– Я думаю, что Стейт не изменился за эти годы. Наоборот, он стал искуснее и опаснее.

– Ты о том, что некоторые его фанатки слишком близко принимают рассказы к сердцу?

– В том числе.

– И что ты сделаешь?

– Я если честно пока не совсем понимаю. Но в любом случае, я приложу все свои усилия, чтобы дать ему понять, что такие вещи просто так не проходят. Пусть и косвенно, но он виноват в её смерти.

– Равно как и Гатлинг, как и Опенгеймер. Джеймс, Стейт лишь оружие, курок спускает не он. Люди сами покупают его книги!

– Как и ты. Или ты думаешь, я не видел его книгу на твоей полке?

– А ты внимательный!

– Иначе никак.

Сэм, сделал ещё глоток. Старик порядком захмелел, пусть и выпил совсем немного. Видно, не часто он посещал это место. Вудс последовал его примеру, он любил честных людей, которые смело, смотрели в глаза своим недоделанным делам.

– Кажется мне пора, Вудс, – устало заметил профессор.

– Я вызову тебе такси.

– Было бы неплохо.

Вудс поднялся и пошел к висевшему на стене телефону. Номер такси, висел прямо над аппаратом. На набрал номер, и назвав адрес, вернулся к столу. Его вдруг посетила замечательная мысль.

– Послушай Сэм, а Стейта, издает Практик Таймс верно? – задумчиво спросил Вудс, наблюдая, как медленно, но верно Гивера все больше и больше, начинает клонить ко сну.

– Да. У него с ними долгое сотрудничество. Помниться он

даже не пошел на куда более выгодный контракт с Меджик Прайм, оставшись верный своим издателям.

– А что, если сделать доклад? Небольшой, где некоторые психологи: ты, я, еще несколько человек, выразят свою озабоченность относительно произведений Стейта? Конечно, это не будет поводом для прямой блокировки его книг. Но Практик Таймс – издательство с длинной историей, они наверняка не заходят, чтобы их репутация испортилась.

– Да, можно, но делать рекламу Стейту не самая хорошая идея. Это как тушить пожар керосином.

– Только не для Практик Таймс. И не для Стейта. Он и так уже разрекламирован, а его привязанность к старым договорам, тут сыграет на руку. Я уже работал с такими людьми! Я знаю, как сильно они любят старые привычки!

– Не знаю, не знаю... мне кажется, ты слишком вдохновлен этой идеей, советую переспать с ней и взглянуть на нее, выпавшимся взглядом. Но знаешь, – Гивер устало поднялся, – в любом случае я выступлю на твоей стороне.

– Спасибо. Сэм. Я ценю это.

– Главное, чтоб помогло. Смерть Джонатана... она и на мне. Я ведь опекал Стейта, помогал ему всячески, возлагал на него надежды. Только вот видишь, как все вышло... Этот парень оказался куда умнее меня!

– Но теперь ты не один. Два профессора, это уже команда, – Вудс посмотрел в окно и увидел подъезжающее такси, –

выпивка за мой счет.

– Нет уж. Тут плачу я, – Гувер вытащил несколько помятых бумажек и положил на стол, – боже, как давно я не был в баре. Черт бы Вас побрал профессор Вудс с вашими изысканиями! А ведь, у меня завтра лекции после полудня!

– Справитесь, – снова переходя на официальный тон улыбнулся Вудс и, помогая ему подняться, повел к такси.

Когда машина уехала, он ещё долго стоял на пыльной дороге и смотрел ей вслед. Его не покидало то редкое, приятное чувство, когда буквально за пару часов, он обрел товарища. Что это? Наваждение? Или же это, как на войне, либо сразу доверяешь товарищу, либо никогда. Ведь по факту, Гивер сильно рисковал, рассказывая ему эту историю.

Вудс, задумчиво повернулся к телефону. Все же, было во всем этом и неприятное. Тот факт, что Стейт смог ещё студентом довести человека до суицида, да ещё, при этом уехал, сильно бил по его привычному анализу. Для таких вещей нужны года, даже для профессионалов. А тут... Счет на месяцы.

Он повернулся и пошёл к бару. Конечно, в идеале ему надо было посетить и Харнсов. Это бы очень здорово ему помогло, но вот только сейчас это было невозможно. Во-первых, прошло слишком много времени, а во-вторых, судя по всему, Харнсы сами не заинтересованы в расследовании этого дела.

Вызвав такси, он задумчиво потерял билет. Стейт Кинг,

все более и более занимал его мысли. А ведь это первый признак маниакальности! Вудс покачал головой. Нет, с пивом точно надо завязывать! Не для профессоров оно.

Заинтересованность

Рамзи Ботл – нервный, невысокий, суетливый, и в то же время, один из наиболее востребованных шерифов на всем юго-западном побережье. Удивительно, но этот парень смог сделать просто головокружительную карьеру, несмотря на все свои недостатки и самое главное – глупость.

Вудс потер переносицу. В самолете он крайне плохо спал и вот теперь получал расплату, за столь легкомысленный шаг. Нет. Все же ему надо было поехать домой и отоспаться, к тому же Мередит на работе, а значит, и мешать никто не будет. Но Рамзи! Разве он даст спокойно выспаться! И почему он работает именно в этом округе, казалось бы, возьми ты чуть левее по карте, и все, жизнь психолога удалась!

А тем временем, шериф привычно беспокойно, нарезал круги по комнате, да и вообще, немного истерил. Вудс, выдохнул. Наверное, лучшим решением было бы выпить кофе. Всего одну чашечку.

– Рамзи, но я о чем могу помочь в данной ситуации! Я же не нянька. Моя специальность – другая.

– Мистер Вудс, – начал Рамзи, свой привычный заход, – это конгрессмен, он очень помогает нашему округу. Его дочь больна. Ни один психолог не может ей помочь. Её нашли, в ванне, понимаете? С перерезанными венами!

– Я понимаю. Но я не детский психолог, более того, мой

род деятельности, связан с тем, чтобы подтвердить дееспособность убийц. А здесь... здесь, скажем так, избыточное отцовское влияние, или же, деньги, вы понимаете, как это бывает. Я не работаю с подростками.

– Но вы медицинский гений! Вы врач. Вы должны ему помочь!

– Если это про клятву Гиппократа, то, к сожалению, Вы уже пользовались этим приемом. Рамзи, вам вообще не стыдно! Вы уже даже и не прикрываетесь, используя меня для продвижения своей карьеры.

– Вудс. Мы все в одной лодке, – по-заговорщически начал шериф, едва ли не обводя руками кабинет, – почтенный Артур Горвард – крайне успешный политик, который рвется на пост губернатора Калифорнии. Вы понимаете, какие это перспективы?

– Понимаю Рамзи, это и была ваша главная новость? У меня куча дел, Вы вырвали меня с самолета. Я не могу тратить свое время на все эти глупости.

– Доктор, – спокойно начал Рамзи, словно перед ним был маленький, непослушный ребенок, – мистер Артур Горвард, заметил, что Вашей больнице не помешали бы инвестиции, порядка двух миллионов долларов.

На этих словах он сделал паузу и театрально прищурился, всем своим видом, показывая невыносимо большую, перспективу данной сделки. Вудс снова подумал о кофе. С каждой секундой оно становилась все желанней и желанней.

Чувствуя мыслительный процесс доктора, Рамзи принял его на свой счет и продолжил.

– Он прекрасно знает, насколько Вы профессиональны и лично просил, чтобы Вы поработали с Джоли, она очень сложный ребенок, у неё постоянные проблемы. Ей просто необходим такой эксперт. К тому же Вы же занимаетесь смертями, суицидом, а она почти себя убила. Это и есть Ваша стезя. Или я не прав?

– Не правы, – спокойно ответил Вудс, – это не моя стезя.

– Разве?

– Да. Я занимаюсь убийствами, а не избалованными детьми. По факту мне нет до них дела. Наймите Шаркли, он прекрасный семейный психолог.

– Да, я бы нанял Шаркли, если бы Артур не прочитал, как он Вас расхваливал в “Вашингтон пост”.

– Это что? Моя вина? – Вудс осмотрелся, он впервые был у Рамзи и не до конца понимал, где тут кофейный автомат, – скажите, а где тут у вас кофе?

– Что? Кофе? Доктор Вудс какое к черту кофе? Ко мне, то есть к нам обратился сам конгрессмен, наверное, с самым большим предложением в Вашей жизни, а вы думаете о кофе? Давайте лучше говорить конструктивно, наконец! Иначе, он может и передумать.

– Да мне, собственно, плевать, – вспыхнул Вудс, – мне эти политические игры, всегда были чужды! Более того, я никогда ничего ни у кого не просил и впредь, не собираюсь это-

го делать! И запомните ещё шериф: никогда и ни при каких обстоятельствах не вызывайте меня для своих продвижений. Вам просто повезло, что моя больница находится в вашем округе, но это вовсе не означает, что буду прибегать сюда по каждому Вашему зову, вы меня понимаете?

– Полегче, полегче доктор! Я вас прекрасно понимаю. И ценю, – Рамзи попятился, – это просто деловое предложение. К тому же Джоли пятнадцать лет. Она совсем юная девочка.

– Хорошо. Я подумаю, кого могу послать к ней. У меня есть первоклассные психологи. Но не больше, Рамзи. Понимаете меня?

– Понимаю, но конгрессмен...

– Не больше! У меня есть дела куда важнее взбалмошной девчонки, мающейся от обилия внимания и денег.

– Хорошо. Тогда я извещу нашего уважаемого будущего губернатора, что вы мне отказали.

– Извещайте, – Вудс поднялся, и прихватив портфель подмышку открыл двери.

– Кофе слева, недалеко от туалета, – сказал ему в вдогонку Рамзи.

– И на том спасибо, – буркнул Вудс, закрывая двери.

Кофеварка, видимо разменявшая несколько лет, выглядела просто ужасно, но Вудсу было не привыкать. Он частенько бывал в участках и прекрасно знал с чем имеет дело. Выплеснув содержимое колбы, он тщательно промыл её и налил воды. При должной сноровке, даже такое чудо может се-

бя превосходно показать.

Наконец пошел запах. Вудс невольно улыбнулся. После этого дотошного Рамзи, с его невероятным упорством, этот запах был как райское яблочко, для уставшего, старого доктора, чей перелет из Балтимора, был самым настоящим адом. Он поднял колбу и налил стакан. А потом он краем глаза уловил что-то знакомое. Что-то до боли знакомое.

Вудс повернулся. Да твою ж мать! Рамзи стоял прямо позади него и о чем-то живо беседовал с высоким, прекрасно одетым джентльменом, чей деловой костюм давал фору даже ему. Вудс вдруг понял, насколько сильно недооценил упрямого хитрого шерифа! Этот подлец специально отправил его за кофе, чтобы потянуть время, дав конгрессмену время, чтобы добраться до участка. А ведь Рамзи прекрасно знал, насколько сильно он не любил политиков! Вудс сжал ручку кофейника чуть не до хруста. Так спокойствие, только спокойствие! В конце концов, он же доктор медицины...

Врачи без границ

Артур Говард был высоким лощенным красавцем, которому в пору было выступать на подиуме, а не сидеть в овальном кабинете над кучей бюрократических бумажек. И все же он это делал и делал хорошо, раз Рамзи так сильно за ним ухлестывал!

Заметив его у кофеварки, Горвад некоторое время его разглядывал и лишь затем неспешным шагом направился знакомиться, делая это по-деловому, словно это было надо не ему, а оппоненту. Вудс, вздохнул. Все это его так раздражало! У него была целая куча дел, а этот ненужный диалог, заберет минимум полчаса. Потом ещё любезности...

– Очень рад с Вами познакомиться доктор Джеймс, слышал Вы скоро станете профессором, мои поздравления, уверен, это очень разумное движение вперед, – сказал Говард протягивая крупную ладонь.

Вудс поздоровался. Он вообще не помнил, когда бы хоть раз отказал человеку в рукопожатии.

– Здравствуйте, конгрессмен.

– Как-то холодновато, – Говард игриво прищурился, – Рамзи рассказал мне, что Вы недолюбливаете политиков и знаете, я согласен с Вами, но как иначе? Кто-то же должен делать нашу работу?

– Между молотом и наковальней.

– Между народом и законом, – улыбнулся Говард.

Вудс отметил, что улыбка у него была просто превосходная, с такой на алее в Голливуде не стыдно показаться! И естественно, такому человеку, конгрессмену, совсем не нужно чтобы в его семье происходило что-то из ряда вон выходящее.

– Конгрессмен, прошу меня извинить, но у меня мало времени! Шериф рассказал мне о Вашей проблеме, но увы, лично я не могу поработать с Вами. Это несколько не мой профиль, но повторяюсь, у меня есть прекрасные специалисты, которые могут Вам помочь.

– Доктор Вудс, – аккуратно начал Говард, непостижимо легко взяв его под локоть, – понимаете, в чем дело. Это очень деликатный вопрос для меня и моей семьи. Очень деликатный и очень срочный. Мне важно, как можно быстрее решить его.

– Простите, но я не понимаю, как можно срочно решить такой вопрос. Это же разум, пусть юный, но все же разум. Даже более того, порой юный разум гораздо сложнее, из-за своей нестабильности, тут невозможно решить быстро. Это же не машину починить.

– Именно поэтому я выбрал лучшего психолога всего южного округа.

– Вы меня не слышите. Я не работаю с детьми. Это отдельное направление.

– Но, совсем недавно, вы разговаривали с отцом девочки, той, что повесилась. И потом, я слышал, что вы и с детьми общались. Кто хотел совершить суицид.

– Я их не лечил. Мне нужно было определить степень их вменяемости, это несколько другое. Говоря простым языком, я анализирую работает мотор или нет, но не чиню его.

– Знаете, – Говард подошёл к кофеварке и поднял колбу, – у нас, многие не видят то, что на виду. А я вижу. К тому же, умой отец был прекрасным механиком, и он всегда говорил мне, что порой, достаточно просто ударить гаечным ключом по тачке, и ты её починишь, главное знать где. А для этого, важно видеть.

– Тачка. Не человек.

– Возможно. Но доктора всегда говорят, что диагноз, половина всей работы.

– Это не совсем диагноз.

– Да что ж, такое, Доктор Вудс! Нельзя же так! – Горвард налил себе кофе, – давайте немного прервемся, а то мы увлеклись, как мне кажется, не тем, – он отпил глоток, и оценочно покачал головой, – вкусно! Ну так вот, я понимаю Ваше нежелание, понимаю! Мне самому порой приходится делать то, что, по моему личному мнению, не входит в круг моих обязанностей, но. Я смотрю наперед. Это удобно и профессионально. Например, больница Арчибальд – это вековая история. И она была прекрасно Вами дополнена. Но разве стоит на этом останавливаться. Как Вы думаете?

Вудс промолчал, отдавая должное харизме конгрессмена.

– Уверен, не стоит. Ведь, кто такие политики? Они проводники мнения. Мы просто доносим до правительства то, чего хотят люди, и уже от него отдаем по возможности. А это, очень важно. К примеру: я уверен, Рамзи вам озвучил перспективу, но это (он) не совсем понимает, что именно, можно вам предложить. Сейчас рассматриваются инвестиции на десять миллионов долларов, грант на благоустройство и продвижение. Идет обсуждение, какую именно больницу выдвинуть и знаете, Ваша больница, Ваша практика мне кажется наиболее вероятной. Понимаете?

– У меня и так все хорошо, – скромно ответил Вудс.

– А может быть лучше! Ведь это десять миллионов, вы только вдумайтесь!

– Вы что, думаете меня можно купить?

– Доктор Вудс, Вы что! – Горвард покачал головой, – купить можно кофе, а вас можно убедить. Мы все можем совершать ошибки, недопонимать друг друга, это вполне нормально!

– Знаете, – вздохнул Вудс, ставя кружку, – скажу честно, я очень долго общаюсь с людьми, с самыми разными. И я научился видеть то, что они пытаются скрыть. Но Вы не из таких. Вы не прячете, желание продавить человека, вы упиваетесь Вашей властью и считаете, что вашу дочь можно починить за пару дней.

– Несколько скоропалительный вывод.

– Быстрый, но как правило они у меня всегда, верные.

– И что меняет, если я стараюсь идти к вершине. Разве это плохо? – спросил Артур, делая ещё глоток.

– Не знаю. Наверно хорошо. Но я не тепло отношусь к таким людям. И не люблю с ними работать.

– То есть Вас не прельщает развитие Вашей больницы?

– Почему же, оно будет, но не таким образом.

– Знаете, у меня очень неплохая избирательная компания и в меня верят многие влиятельные люди. Я ведь просто пришел к Вам за помощью, пришел с просьбой помочь дочери. А Вы, Вы мне отказываете в этом. Это очень обидно доктор!

– Просто я не занимаюсь детьми, конгрессмен. Это не моё направление. И даже дело не в том, что мне неприятны политики сами по себе. Я просто не хочу навредить Вашей дочери. Я просто не умею хорошо работать с детьми. Все просто!

– Понимаю, – сухо сказал Горвард, ставя кружку на стол, – Вам бы в политику, Вам бы не было цены. Ведь красиво уметь формировать отказ, это семьдесят процентов нашей работы. И этому не научить, это либо есть, либо нет!

Горвард задумчиво посмотрел на него. Вроде и без злобы, но Вудс сразу почувствовал дискомфорт, словно его просто жалеют, чего он очень не любил. Он как мог улыбнулся.

– Так к Вам послать мою протезе?

– Нет. Не стоит, – сказал Артур, – зачем присылать того, кто может сделать что-то хуже. Я выберу другого специалиста. Врачей ведь много, как и поликлиник.

Вудс лишь покивал. С одной стороны он понимал, что можно было пойти ему навстречу и съездить к его дочери, пусть и без особого результата, но этот червячок, он бы просто сгрыз его, не давая ни спать, ни нормально переваривать бекон Мередит. Так ведь было и он все время проигрывал своей гордости.

– Мне жаль, – тихо сказал Вудс.

– Мне тоже, – ответил Говард, – но мы сами делаем наш выбор верно?

Развернувшись, он пошел к Рамзи, который все это время, словно поджидал его у двери кабинета, так как едва они закончили, шериф тут же показался в проеме. И ему хватило всего лишь пару секунд, чтобы по взгляду Горварда определить результат разговора.

Вудс повернулся к кофе. Казалось прошло всего пару минут с момента как он его заварил и вот оно уже остыло. Он задумчиво, поставил колбу на разогрев и нажал на кнопку. Все же теплый кофе, не идет ни в какое сравнение с холодным!

Стейт Кинг

Сидя в кабинете в Арчибальде, Вудс вот уже минут десять смотрел в медицинский отчет по Маргарет Уилсон. Её вёл доктор Уилл Фанрачайз и потому все было сделано безукоризненно, Уилл вообще был хорошим специалистом. А потому причина, по которой он просматривал это дело, была не в поиске ошибок или недочетов или проверке. Нет. А потому что именно с Маргарет Уилсон захотел встретиться Стейт Кинг.

Оно и понятно. Муж этой несчастной сошел с ума как раз из-за писательского дара, которым был наделен некий автор, которого он якобы читал. Только вот Маргарет так и не смогла сказать какой. И это очень сильно помешало смягчить её приговор. Хотя, отбить её всё же получилось. Вудс посмотрел на часы. Двенадцать. Как быстро бежит время, а ведь он не сделал и половина того, что запланировал!

– Доктор Вудс, – постучала в дверь Лизи, никак не желавшая называть его профессором без официальной причины, – доктор Вудс?

– Да.

– Доктор Вудс, – открыла дверь Лиза Паркер, – я все согласовала, вот дата и время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.